

МАКСИМ ГОРЮНОВ

ФЕДЕРАЦИЯ НА ПОЛПУТИ К ФЕДЕРАЦИИ

Какой должна быть
национальная политика в России

Россия в её нынешних границах называет себя федерацией уже более ста лет: семьдесят лет как Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика и тридцать – как Российская Федерация. К этим ста годам нужно добавить ещё как минимум пятьдесят лет рассуждений о федеральном устройстве, идущих, над полагать, со времён Михаила Бакунина и его работы «Федерализм, социализм и антитеологизм». Работа вышла в свет через шесть лет после отмены крепостного права.

Несмотря на долгую историю, вопрос о том, что такое федерация и как она должна работать, остаётся спорным.

Причина в том, что задолго до того, как стать федерацией, Россия состоялась как империя. Скорее не Британская, а Османская. Благодаря имперскому опыту в России сложилась своя уникальная политическая культура отношений с землями. Эта культура во многом противоречит федеративным принципам.

На протяжении веков Россия стремилась к предельной концентрации власти в одних руках, к выстраиванию строгой военизированной иерархии, к политическому ослаблению земель. Федерация же – по крайней мере, как она описана в российской конституции – предполагает сосуществование множества сильных центров власти, представляющих местные гражданские общества.

Несовместимость принципов, описанных в российской Конституции, с её исторически сложившимися нормами приводит к постоянному непониманию и шизоидным искажениям повестки, которые видны в России буквально всюду. К примеру, о том, что Россия – это именно федерация, постоянно говорят оппозиционные российские политики и независимые медиа. Федерация у оппозиции – это про демонтаж авторитарной вертикали¹ и передачу полномочий и налогов на места. Оппозиция охотно сравнивает свою страну с самыми успешными федерациями мира – Канадой, Австралией, Бразилией – и находит много общих черт. При этом тот факт, что внутри

России есть земли со своими конституциями и языками, их как будто пугает. Инициативы гражданских обществ в национальных республиках крайне редко попадают в столичную повестку. Их считают слишком локальными, слишком неоднозначными и связанными с якобы тлеющим сепаратизмом. Когда весной 2019 года удмуртский активист Альберт Разин поджёг себя у здания парламента Удмуртии, протестуя против отмены обязательного преподавания удмуртского языка в школах республики, это событие почти не было замечено.

Одновременно с этим президент страны Владимир Путин неоднократно публично заявлял, что для России федерация – это искусственная, навязанная извне модель. С его точки зрения, Россия изначально развивалась как унитарное централизованное государство. С этого прямого и естественного для неё пути Россия сошла в начале прошлого века в результате государственного переворота, устроенного большевиками во главе с Лениным. Президент уверен, что отказавшись от централизации, сделав шаг в сторону федералистских и даже конфедератских принципов, Ленин заложил «мину замедленного действия»². Беловежские соглашения и «парад суверенитетов» в 1991 году – это прямое следствие ленинских ошибок, считает президент. В то же время республика Чечня, как полагают эксперты³, ведёт себя даже не как член федерации, а как член конфедерации. У Чечни de facto есть собственные вооружённые силы. Её правовые практики нередко противоречат общероссийским. Чечня открыто и громко вступает в конфликты с федеральными министерствами по самым разным вопросам, пользуясь при этом всецелой поддержкой президента.

Противоречия между исторически сложившейся практикой и принципами федерализма особенно видны, если сравнить конституции республик с мнениями русских националистов о том, что такое Россия.

Республики называют себя суверенными государствами в составе федерации. Первая статья конституции Бурятии: «Республика Бурятия есть

1 Россия: судьба федерации: Материалы научной конференции (Москва, 27 февраля 2017 года) / Фонд «Либеральная Миссия»; Фонд Бориса Немцова за Свободу; Экспертная группа «Европейский диалог»; под общ. ред. Евгения Гонтмахера, Андрея Захарова, Андрея Петрова. — М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2017.

2 <https://www.kommersant.ru/doc/2897423>

3 Стародубцев А. В. Пересмотр федеративного контракта в России: случай Чеченской Республики // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 1 (111). С. 59-67.

демократическое правовое государство, субъект Российской Федерации». Первая статья конституции Якутии: «Республика Саха (Якутия) является демократическим правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение». Полное название Федеративного договора от 31 марта 1992 года: «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации». В первой главе конституции Чувашии нет слова «государство»: «Чувашская Республика – Чувашия есть республика в составе Российской Федерации». Зато местным СМИ известна некрасивая история о том, как оно оттуда исчезло⁴ и почему оказалось невозможным вернуть его обратно. Нужно иметь в виду, насколько серьёзно Чувашия относится к себе как к государству. В недавно вышедшей на русском языке книге профессора Венского университета Андреаса Капеллера «Чуваши: Народ в тени истории»⁵ автор признаётся, что решил написать книгу о Чувашии, когда увидел, как много качественных исследований уже написано местными историками. Чувашские историки описывают историю Чувашии на том же профессиональном уровне, что и историки суверенных государств.

Националисты, у которых долгое время были самые массовые, самые регулярные и самые народные митинги в Москве, в отношении федерации используют развитый язык ненависти. «Эрэфия» – это страна вопиющего неравенства, в которой нерусские народы – якуты, татары, чуваш и прочие – пользуются ничем не оправданными привилегиями, в то время как «русские регионы» и «русские люди» изнывают от нищеты и произвола силовиков. Слово «россиянин», введённое в оборот Борисом Ельциным, считается ругательным, в отличие от «русский» и «великоросс». Для правых представляется очевидным, что Россия не может быть федерацией, поскольку фактически является страной одного народа – русских. В ходе своей многовековой истории русские успешно

расселились на пустынных пространствах Северной Евразии. Отсюда убеждение, что Россия, как страна русских, несмотря на свои впечатляющие размеры, должна быть унитарным государством, как Албания и Черногория. Что касается башкир и татар, то предлагаются проекты от «культурной автономии» до принудительной русификации. Общим местом является мнение о том, что ни о какой государственности и суверенитете для «малых народов» речи быть не может.

Что же такое Российская Федерация и что можно исправить, чтобы её будущее не оказалось печальным?

Начать нужно с того, что возможность говорить о своей государственности в самом деле появилась у Чувашии, Коми, Удмуртии после Октябрьской революции. Путин прав в том смысле, что ни у Романовых, ни у Временного правительства не было в планах ни суверенной Украины на украинском языке, ни Чувашии на чувашском. Ни Романовы, ни их преемники из буржуазной партии не собирались признавать права народов на их исторические территории⁶. Ссылаясь на довоенные дебаты в Думе и на полемику в прессе, можно предположить, что за образец была бы взята условная якобинская программа, принятая во Франции после революции. Программа предусматривала унификацию населения с полным переходом всех бывших царских подданных на русский язык как язык общей конституции.

Программа Ленина в отношении наций была принципиально иной. Настолько иной, что профессор Терри Мартин сравнивает⁷ её с современной американской программой позитивной дискриминации (affirmative action), целью которой является помощь всем без исключения меньшинствам в преодолении социальных и экономических барьеров. Разница в том, что большевики действовали на полвека раньше и в сотни раз масштабнее.

4 <https://www.youtube.com/watch?v=UMVbh27FABs>

5 Капеллер, Андреас. Чуваши. Народ в тени истории: монография / Андреас Капеллер; перевод с немецкого Е. В. Толстой; научный редактор Л. А. Таймасов. - Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019.

6 <https://slavica-petropolitana.spbu.ru/ru/arkhiv-nomerov/120-studia-slavica-et-balkanica-petropolitana-2015-1/commentarii-stati/292-khripachenko-t-n-neudavshijsya-kompromiss-rossijskie-liberaly-i-proekty-polskoj-i-ukrainskoj-avtonomii-v-rossijskoj-imperii-nakanune-pervoj-mirovoj-vojnny.html>

7 Terry Martin. An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. (The Wilder House Series in Politics, History, and Culture.) Ithaca: Cornell University Press. 2001.

Ленину важно было показать, что коммунисты не имеют ничего общего ни с монархией, ни с империей. Коммунисты заняли обе имперские столицы, но их легитимность опирается на принципиально новую повестку. Коммунисты – это строители нового свободного мира, в котором нет места угнетению человека человеком. Партия демонстративно признавала права народов на их территории: «самоопределение населяющих Россию народов вплоть до полного отделения».

Украинцы, белорусы, чувашаи, татары и иные народы, в разное время оказавшиеся под скипетром Романовых, получали в дар от коммунистов полноценные республики с правительствами, школой и документооборотом на своих родных языках.

Для своего времени это был по-настоящему революционный шаг. Особенно если учесть, что далеко не все народы были к нему готовы.

У белорусов перед Первой Мировой войной не было ни школ на их языке, ни училищ, ни университетов. Единственная белорусская общественно-политическая газета, «Наша Ніва», просуществовав с 1907 по 1912 гг., была закрыта цензурой. На контрасте со «старым миром», в «новом» у белорусов появилась массовая начальная школа на родном языке, а с ней газеты, журналы, книги. Чуть позднее появились свои вооружённые силы и военные училища. Кроме белорусов, на территории БССР проживали поляки, евреи и русские. Соответственно, в республике было сразу четыре государственных языка. Идиш первый и последний раз получил статус государственного именно в Минске. Во второй половине двадцатых Мойша Кульбак, известный драматург, писавший на идиш, переехал из Вильнюса (польского на тот момент) в Минск, потому что это был город, в котором идиш был признан и защищён на государственном уровне. В СССР действовали санкции за «великодержавный шовинизм». Чиновники и рядовые граждане, которые использовали клише из черносотенной пропаганды, преследовались по закону. Белорусская историк Алёна Маркова

в своей книге о первом десятилетии советской Беларуси⁸ описывает картину резкого оживления общественной жизни. Переход в новое состояние, связанный с появлением своей республики, был принят очень хорошо.

Программа коммунистов так во многом повторяла программу «буржуазной» Белорусской Народной Республики, что её премьер-министр Вацлаў Ластоўскі счёл для себя возможным вернуться из эмиграции и поступить на службу в Академию наук БССР.

Нужно понимать, что в двадцатых годах никто не заходил так далеко в защите прав народов на самоопределение. К концу мировой войны появилась программа президента Вильсона, которая поддерживала новые европейские государства, появившиеся на карте после распада империй. При его содействии Польша, Чехия, Литва и другие получили международное признание. Однако это была щедрость за чужой счёт и из чужого кармана; коммунисты содействовали развитию государственности народов на своей территории. Историк-марксист Михаил Покровский в газете «Правда» называл программу Вильсона плохой копией большевистской программы: в 20-х большевики предлагали больше и шли дальше.

Российская исследовательница Елена Борисенко в книге «Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и “украинский вопрос” в межвоенный период»⁹ показывает, насколько программа коммунистов была прогрессивнее всего того, что было у соседей. Так, украинцы, проживавшие в Буковине, должны были как можно скорее перейти на румынский язык. В связи с этим преподавание в школах было строго на румынском. Программа Варшавы в отношении украинцев была мягче, но о признании прав на территорию речи не шло.

Помимо очевидного гуманитарного эффекта, признание прав ранее угнетённых народов на территории и на самоопределение имело и политические мотивы.

8 Шлях да савецкай нацыі. Палітыка беларусізацыі (1924-1929), Мінск: БГА, бібліятэка часопіса “Беларускі гістарычны агляд”, 2016.

9 <https://inslav.ru/publication/borisyonok-eyu-nesovetskaya-ukrainizaciya-vlasti-polshi-chehoslovakii-i-rumynii-i>

Республика Карелия, пишет¹⁰ историк Ник Барон, обязана своим появлением неудачам финских коммунистов. Оказавшись в изгнании, они обратились к Ленину с предложением создать республику вдоль границы с Финляндией, где проживали карелы, близкие финнам по языку. Республика должна была демонстрировать финнам, шведам и норвежцам превосходство советского строя над капиталистическим и в итоге стать «воротами в красную Скандинавию». Границы должны были быть открытыми, чтобы соседи при желании могли своими глазами увидеть, насколько новая красная Москва прогрессивнее их собственных правительств. Из Карелии в Канаду и США ездили агитаторы, которые убеждали переселившихся туда финнов и карелов вернуться. Чтобы показать, что речь в самом деле о серьёзном большом проекте, автономия была одобрена и тверским карелам со столицей в городе Лихославле всего в двухстах километрах от Москвы.

Как считает¹¹ историк Стивен Коткин, советская национальная политика была невероятно прогрессивной в течение десятилетий, пока Британия и другие не начали отказываться от своих колоний и признавать их суверенитет. Последней на континенте отказалась Португалия от Анголы в 1974 году. По сравнению с суверенной Анголой или с суверенной Индией Украина и Беларусь, несмотря на их давнее членство в ООН, не могли себе позволить говорить от своего имени и выглядели скорее как декорации.

К середине семидесятых от ленинской национальной программы остались призраки. Ситуация кардинально изменилась ещё в конце двадцатых, когда начался частичный откат к дореволюционным практикам. К началу тридцатых Москва нашла способ сочетать ленинскую риторику освобождения народов от империалистического гнёта с великодержавными нотами из партитуры поздних Романовых.

Пример такого абсурдного сочетания можно было наблюдать 11 и 12 февраля 2021 года в Минск на VI Всебелорусском народном собрании. В Беларуси сохранились многое из советского багажа. Например, отказ от своего языка и своей

истории в форме яростного отстаивания своих прав на свой язык и историю.

Бывший директор Института истории НАН Беларуси Вячеслав Данилович на русском языке с трибуны заявил, что он и его коллеги будут всеми силами защищать историю своей страны от фальсификаций. В Беларуси два государственных языка, русский и белорусский. На русском языке белорусы массово заговорили после Второй мировой войны, с началом ускоренной индустриализации и урбанизации. Президент страны и большая часть президиума собрания говорят на русском с сильным акцентом. Тем не менее глава института истории произносит речь в защиту белорусской истории строго на русском языке, ни разу не перейдя на второй государственный.

Сразу после него слово дали молодому учителю белорусского языка и литературы из сельской школы. Учитель восславил мудрость президента и настоял на том, что у белорусского языка в Беларуси есть все условия для развития. За два дня собрания белорусская речь звучала с трибуны всего один раз – когда выступал этот сельский учитель.

Необходимость такого абсурдного сочетания связана с переходом от нападения к защите. Если в двадцатые годы бытовало мнение, что Советский Союз благодаря своей прогрессивности будет притягивать к себе страны и народы, то к началу тридцатых стало очевидно, что «мягкая сила» советского строя, на которую возлагал надежды Ленин, не так уж и сильна.

Нужно иметь в виду, что за дискуссией о федерализме стоит дискуссия о российской империи и её двукратном распаде. В течение прошлого века Санкт-Петербург и Москва дважды теряли обширные территории на западе, юге и востоке. Украина, Беларусь, страны Балтии дважды объявляли о своем суверенитете. И если с точки зрения бывших советских республик империя не могла не распасться, то у Москвы и Санкт-Петербурга иное мнение на этот счёт.

В коллективной монографии «Россия между реформами и революциями, 1906–1916»¹², вышед-

10 <https://rosspen.su/vlast-i-prostranstvo-avtonomnaya-kareliya-v-sovetskom-gosudarstve-1920-1939/>

11 Коткин Стивен. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

12 Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И.

шей под редакцией профессора Алексея Миллера, много сказано о том, что у империи Романовых, несмотря на все её проблемы, были весомые шансы сохраниться. Сборник откровенно ревизионистский и претендует на роль своего рода манифеста России после Крыма.

Как утверждают авторы, перед Первой мировой войной экономический и научный потенциал империи был таков, что если бы не череда обидных случайностей, она могла бы стать Китаем до Китая. Устойчивый экономический рост, помноженный на скорость, с которой бюрократия обучалась вести дела с парламентом, должен был затмить местные национальные проекты. И украинцы, и белорусы, и казахи охотно остались бы в подчинении Романовых, разменяв мечты о суверенитете на доступ к экономическому благополучию. По мнению авторов, кроме поляков и финнов, остальные народы вели себя вяло и вполне могли пойти на такую сделку. Но увы, успех большевиков вместе с поражением Германии радикально изменил политическую обстановку, дав шанс на суверенитет даже тем, кто к нему не очень стремился.

Другими словами, авторы сборника не считают распад империи неизбежным. Нетрудно догадаться, какие выводы для Удмуртии и Коми следуют из этого видения. Федерация в её нынешнем виде оказывается следствием авантюрных планов большевиков. Путь к устойчивому развитию страны лежит через ослабление республик, через выравнивание регионов. Результатом должно стать монолитное единство, которое сделает невозможным повторение событий 1917 и 1991 годов.

Схожей точки зрения придерживаются в редакции журнала «Вестник Российской нации». Журнал важен, потому что публикует тексты сразу трёх бывших министров национальной политики России. Редактор журнала академик Валерий Тишков многократно был награждён президентом за вклад в развитие «российской нации». «Орден Российской нации», которым награждают и отдельных граждан и города, был создан по его инициативе. Кроме того, Тишков является генеральным директором ООО «Этноконсалтинг»

– компании, которая консультирует российские правительственные министерства и ведомства по поводу этнокультурной, этноконфессиональной и миграционной ситуации в регионах. Компания является крупнейшей на рынке. В ней работают преимущественно сотрудники Института этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая Российской академии наук, который Тишков возглавлял с 1989 по 2015 гг.

Основной посыл журнала в том, что наличие республик и автономных округов в составе России пагубно сказывается на развитии гражданского общества. Если у татарина сразу два кремля, две столицы, два государственных языка, это мешают ему осваивать навыки гражданского поведения. Якобы фактическое двойное гражданство – татарское и общероссийское – замыкает внутри этнической идентичности, которая, как уже давно говорит Тишков, своё отжила и должна уступить место чему-то более прогрессивному. Такая же судьба ожидает и нерусские языки на территории России. Они должны уйти из политического оборота. Связь языка и прав на свою историческую территорию, «о которой так много говорили большевики», должна быть элиминирована. У татар, считает Тишков, и у других народов не должно быть особых прав на территории их исторического проживания. Да, Казань была когда-то столицей ханства, но должна стать рядовым российским городом, в котором живут рядовые российские граждане. Территория страны должна быть унифицирована, субъекты федерации – уравниены в правах. Как уверяет своих читателей академик, нерусские языки могут прекрасно жить вне политики, как часть культурного наследия «многонародной российской нации». Нерусский язык – это не основание для суверенной республики, а услуга, которой российское государство должно обеспечивать граждан на всей территории страны.

В прошлом году Институт этнографии издал сборник, посвящённый одному вопросу: исчезает ли народ, если исчезает его язык?¹³ Авторы считают, что утрата языка ничего не значит. Народы успешно существуют и без своего языка. Этот странный сборник очевидно привязан к тезису Тишкова о том, что хорошее будущее

Миллера и К.А. Соловьёва. М.: Квадрига, 2021.

13 Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич и др.; Отв. редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2020.

России – это будущее преимущественно на русском языке. На возражение, что со стороны его вариант строительства гражданского общества выглядит как меры по укреплению авторитаризма, Тишков отвечает, что никакого сходства нет. На самом деле, утверждает академик, в России уже давно, со времён Карамзина, идёт масштабное строительство гражданского общества и в итоге Москва будет как Париж. О схожести российского и французского пути к гражданскому обществу институт Тишкова тоже выпустил соответствующую книгу¹⁴. Как нетрудно догадаться, автор увидела много параллелей. Таким образом, риторика гражданственности позволяет Тишкову сожалеть о распаде и империи Романовых, и СССР. Согласно его логике, поляки и финны тоже были вовлечены в строительство, но ушли. Причина, по которой и финны, и украинцы ушли, у Тишкова одна: финские и украинские элиты через провозглашение суверенитета «прибрали к своим рукам богатства».

Схожей аргументации в отношении политической активности граждан придерживаются и юристы. Об этом можно судить по монографии «Российская автономия»¹⁵ академика Олега Кутафина, специалиста по конституционному праву и ректору Московского государственного юридического университета.

В предисловии академик пишет, что «Россия вот уже несколько столетий существует как многонациональное государство» и это «всегда порождало вопрос об обеспечении единства страны и требовало выбора такой формы государственного устройства России, которая способствовала бы решению этой задачи». Это крайневажное заявление. «Многонациональность» России является результатом многочисленных завоеваний. В российских школьных учебниках эти завоевания тактично называют «собираанием земель», «присоединением» и «расширением», но суть не меняется. Известная фраза президента Владимира Путина о том, что «границы России нигде не заканчиваются», сказанная на фоне «русской весны», как раз об этом. И ранее, и сейчас Россия осознает себя скорее завоевательницей, отсюда этот акцент на «единстве страны». Эволюцию внутреннего устройства России – от

империи Романовых через СССР к Российской Федерации – академик Кутафин и описывает как поиск такой формы. Важно отдельно подчеркнуть: не гарантии прав и свобод граждан, а «единство страны» являются целью этих поисков.

Как и академик Тишков, академик Кутафин, анализируя оживление политической жизни в 90-х, в первую очередь видит угрозу «единству». Характеризуя события начала 90-х, ожидаемо упоминает «националистов всех мастей, которые любой ценой под флагом демократии и суверенитета добивались с их помощью... права распоряжаться огромными богатствами прежде всего в личных интересах». Налицо конспирологическая трактовка политической активности граждан, обычная для российского лоялизма. За людьми, выходящими на улицу, всегда стоят так называемые элиты, которые хотят перехватить у Москвы контроль над активами. Требование демократии является ширмой, за которой скрываются чьи-то имущественные амбиции.

Программа Алексея Навального в отношении федерации довольно расплывчата и как будто не содержит ничего нового. В интервью в Оренбурге Алексей говорит, что предложение Путина сделать необязательным татарский язык в школах Татарстана кажется ему разумным. При этом в интервью в Уфе он заметил, что утрата языка – это плохо. Напомню, что татарский в Татарстане, согласно конституции республики, является государственным наравне с русским. В расследовании ФБК¹⁶, посвящённом коррупции в Татарстане, авторы проводят прямые параллели между её уровнем и борьбой Татарстана за расширение своих прав в начале 90-х. Утверждается, что борьба за расширение прав республики велась исключительно в интересах элит. Борьба не привела ни к чему, кроме воровства и несвобод: тезис, который охотно поддержали бы и академик Олег Кутафин, и академик Валерий Тишков.

В интервью¹⁷ экономисту Сергею Гуриеву Навальный выступает за передачу полномочий на места, но уточняет, что в отношениях Москвы с регионами сделал бы акцент на крупные города.

14 Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

15 Кутафин О. Е. Избранные труды: в 7 томах. Том 5. Российская автономия: монография. – Москва: Проспект, 2014.

16 <https://www.youtube.com/watch?v=rHbcxH3-XPg>

17 <https://www.youtube.com/watch?v=5jf-F-AmCKc>

Журналист The Financial Times Аркадий Островский предположил¹⁸, что Навальный, принимая в расчёт сложность страны, собирается опереться на буржуа, на образованных горожан и пойти по пути, который прошла Франция после революции. Журналист упустил из вида, что опираться на крупные города – давняя практика, о её пользе говорил ещё Юрий Андропов. Города предпочитали в позднем Советском Союзе на фоне медленного сползания к великодержавной повестке. Благодаря политике русификации крупные города в советских республиках говорили на одном языке с Москвой. Так, в Минске, столице Беларуси, и сегодня почти невозможно найти детский сад и школу, где с детьми общаются на белорусском языке. За последние полвека лет Минск вырос в 27 раз за счёт приезжих из деревень. Чтобы гарантировать русификацию приезжих – как правило, белорусскоязычных – школы и детские сады были строго на русском языке. Другими словами, опора на русифицирующие города внутри нерусских регионов – это скорее про страхи, чем про реанимацию гражданской жизни. В том же интервью Алексей заявил о том, что ему не нравится слово «россиянин»: обычный пункт

из программы русских правых.

Как показывает позиция Навального, на данный момент даже самые светлые головы в Москве видят в региональной гражданской активности признаки сепаратизма. Для слабеющей метрополии, напуганной двумя распадами, почти любая значимая активность за пределами МКАД выглядит как попытка сбежать вслед за остальными. Всё это надо умножить на убеждение – негласное, но оттого стойкое, – что ни один народ не останется в составе России по своей воле. Из-за этого убеждения, надо полагать, Алексей Навальный в уже упомянутом интервью Сергею Гуриеву, обсуждая своё видение федерации, почти сразу перешёл к «нужно следить за сепаратистами». Если обязательно нужно «следить», если единство страны невозможно само по себе, то это говорит о ничтожности предложения. Нет видения, которое сделало бы ненужным силовиков. Всё выглядит так, как если бы и сам Алексей, и условная либеральная партия предлагают федерации примерно тот же проект, что и Кремль, но с «человеческим лицом».

Что можно было бы сделать?

Как было сказано в начале, Российской Федерации больше ста лет. Республики и иные субъекты сто лет используют в документообороте свои языки, пишут о себе книги, воображают себя. Столько же времени метрополия учится считаться с тем, что у регионов есть своё отдельное мнение о себе и своем месте в мировой истории.

Кроме того, важно ещё раз подчеркнуть, что на старте, в начале двадцатых годов прошлого века, федерация была образцом прогресса и affirmative action. Антиимперская и антиколониальная повестки являлись её важными основаниями. Это был яркий футуристический проект освобождения от гнёта, намного опередивший свое время. За минувшие сто лет регулярные и даже навязчивые рецидивы колониализма имели место, но рецидив – это отклонение от главного курса, а не сам главный курс.

Надо заметить, что текущая попытка повернуть время вспять и отменить результаты февральской и октябрьской революций началась не так уж и давно. Ещё в начале нулевых, во время своего первого президентского срока Владимир Путин мог выступить в Казани на татарском языке.

В этом смысле Российской Федерации, чтобы стать приемлемой, достаточно перестать отвлекаться на своё царское прошлое и стать собой. То есть стать федерацией. Все необходимые роли давно описаны в её законодательстве и имеют столетнюю практику хоть и лицемерного, хоть и шизоидного, но применения.

Первым шагом на пути федерации к федерации могла быть стать реабилитация этнической повестки. Ситуация, когда активист

18 <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/the-rachman-review/id1504048545?l=en&i=1000507661364>

в республике, отчаявшись защитить свой язык, поджигает себя у здания своего парламента, не должна повториться.

Для этого нужно понять, во-первых, что полноценное развитие гражданских обществ в регионах вряд ли возможно без обращения к локальному историческому опыту. В том числе и этническому.

Как показывает опыт Беларуси, даже в обществе, которое фактически утратило родной язык, пробуждение гражданской активности сопровождается массовым обращением к истории.

На данный момент в Беларуси гражданская и этническая повестки идут вместе, дополняя и усиливая друг друга. Бело-красно-белый флаг, герб «Пагоня», лозунги на белорусском языке вошли в широкий обиход на волне протестов против фальсификаций на выборах. Граждане Беларуси в августе 2020-го выходили на улицу, защищая своё право избирать президента. Апелляция к общему прошлому помогала им наладить общение, сблизиться. Тот факт, что новогоднее поздравление Светланы Тихоновской было на белорусском языке, ни на секунду не отменяет главных требований протестующих: справедливый суд, справедливый подсчет голосов на выборах всех уровней, сменяемость власти и т.д.

В этом смысле привычное в России отделение этнического от гражданского и их радикальное противопоставление выглядит как нечто искусственное и перверсивное. На практике обе эти повестки живут одновременно, в смешении. Далеко не в каждый момент можно определить, какие именно идеи – гражданские, этнические или

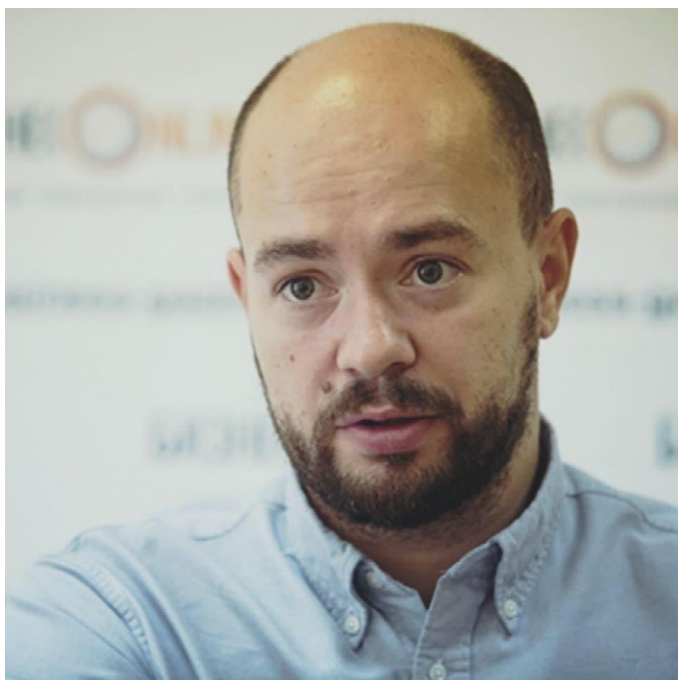
иные – вдохновляют протестующих. Как правило, всё вместе; ни одна не существует в одиночку.

В целом трудно себе представить, чтобы сознательный гражданин, готовый участвовать в политической жизни, остался совсем равнодушен к тому, что из употребления уходит язык, на котором говорили родители его родителей. Наравне с коррупцией, с несправедливыми судами, с поражением парламента историческая повестка в равной степени мотивирует на гражданское действие.

Общества в российских регионах во многом схожи с белорусским. Совпадений довольно много. Позднее – относительно Центральной Европы – пробуждение гражданственности, массовая безграмотность ещё в начале прошлого века, важность советского опыта, свежая утрата родного языка. Можно предположить, что динамика массового усвоения гражданских правил будет напоминать белорусскую.

Во-вторых, нужно понять, что молчание республик и вообще земель в принципе ненормально для такой громадной федерации. Земли должны говорить, заявлять о себе, доказывать, публично высказывать свое недовольство. Множественность политических центров, о которой говорит российская конституция, на практике будет выглядеть как череда споров. На фоне нынешней тишины, когда не каждый преподаватель университета знает, где находится республика Адыгея и на каком языке там говорят, споры будут звучать непривычно. Но нужно будет привыкать к тому, что это и есть норма, условие свободы и гарантия соблюдения прав.

Об авторе

Максим Горюнов – философ, публицист, ведущий программы на European Radio for Belarus.